

3. Van den Bos, M. E. W. Mystic regimes: an exploration of comparative social development and cultural performance: the Saf'i'ā'is'ah'ī and Sol.t'an'al'is'ah'īNe'matoll'ah'ī Sufi orders in the Pahlavi Dynasty and the Islamic Republic of Iran // UvA-DARE (Digital Academic Repository). URL: https://pure.uva.nl/ws/files/867671/47960_UBA002000165_13.pdf (date of access: 23.03.2021).

4. Matthijs van den Bos. Mystic Regimes: Sufism and the State in Iran, from the Late Qajar Era to the Islamic Republic, Social, Economic and Political Studies of the Middle East and Asia/ Leiden: E. J. Brill, 2002.

5. Scott A. Kugle. Sufies and Saints Bodies: Mysticism, Corporeality, and Sacred Power in Islam. 2003.

6. Van den Bos M. Mystic Regimes: Sufism and the State in Iran, from the Late Qajar Era to the Islamic Republic, Social, Economic and Political Studies of the Middle East and Asia. Leiden, 2002.

7. Raudvere C., Stenberg L. Translocal mobility and traditional authority. Sufi practices and discourses as facets of everyday Muslim life // Sufism Today. Heritage and Tradition in the Global Community. London, 2009.

КИТАЙСКАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК НЕФОРМАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР

К. Е. Кожухова

ул. Остоженка, 38, 119034, г. Москва, Россия, kira.kozhuhova@mail.ru

В статье рассматривается китайская стратегическая культура как неформальные нормы и правила современной внешней политики Китайской Народной Республики. Стратегическая культура Китая обусловлена политической потребностью китайской нации в четком целеполагании внешнеполитического курса с «китайской спецификой» и формировании определённого стратегико-культурного мировоззрения, что формирует механизм реализации китайской стратегической культуры во внешнеполитической деятельности Китая.

Ключевые слова: политический институт; стратегическая культура; внешняя политика; политическая коммуникация; Китай.

CHINESE STRATEGIC CULTURE AS AN INFORMAL INSTITUTION OF MODERN FOREIGN POLICY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

K. E. Kozhukhova

Ostozhenka str., 38, 119034, Moscow, Russia, kira.kozhuhova@mail.ru

The article examines the Chinese strategic culture as informal norms and rules of the modern foreign policy of the People's Republic of China. The strategic culture of China is determined by the political need of the Chinese nation for a clear goal setting of the foreign policy course with "Chinese specifics" and the formation of a certain strategic and cultural worldview, which forms the mechanism for implementing the Chinese strategic culture in China's foreign policy activities.

Keywords: political institution; strategic culture; foreign policy; political communication; China.

Осмысление стратегической культуры как детерминанты внешнеполитических установок и концепции страны на международной арене неизбежно ставит вопрос о том, кто и как руководит внешнеполитическим курсом в определенном государстве и каким образом на данный процесс влияет эта культура [1]. Стратегическая культура является обусловленными исторически неформальными нормами и правилами для ведения внешнеполитической деятельности любого государства, диктующими особенности формирования институциональной памяти [2], политической потребности, аксиологического целеполагания, норм и правил, связанной с ними системы статусов и ролей, необходимых для позиционирования государства на международной арене и реализации своих внешнеполитических установок и концепции. Данный тезис в полной мере применим к китайской нации, которая также «институционализировала» [3, с. 92] свою стратегическую культуру и имеет особый механизм [3, с. 93] внедрения данного института во внешнеполитическую практику современного Китая.

Поскольку все время существования Китайского государства в стране господствовал патримониализм, а ныне – неопатримониализм [4], в китайском обществе активно происходит доминанция неформальных институтов (к примеру, традиций) во всех сферах жизнедеятельности общества, в т.ч. и во внешней политике. Как справедливо отмечает китайский политолог Цзи Юешэн, «в государственной политике и в организации социальных институтов в китайском обществе постоянно обнаруживаются признаки традиционной культуры... благодаря

диалектической взаимосвязи элементов своего учения и внутренней динамичности конфуцианство и в современных условиях позволяет находить приемлемые формы и способы политического и государственного устройства страны и властных отношений» [5].

Исходя из данного тезиса можно заключить, что китайская стратегическая культура является важным неформальным институтом, который проникает в формальные нормы и правила китайского общества, заставляя последние работать согласно традиционным воззрениям жителей Поднебесной. Именно поэтому в китайском обществе существует высокий уровень институциональной памяти, то есть, хранения и передачи норм, правил, стереотипов и опыта предков, в частности конфуцианской традиции, мировоззрения и отношения к внешнему миру [6] во всех сферах общества, что выражается в передаче потомкам института китайской стратегической культуры во внешнеполитической сфере общества.

Процесс влияния стратегической культуры как совокупности норм и правил на внешнюю политику Китая можно охарактеризовать рядом специфических и взаимосвязанных черт.

1. Возникновение и наличие постоянной политической потребности в институте стратегической культуры внешнеполитической практике КНР.

Политическая потребность в стратегической культуре как во внешнеполитическом институте китайского общества отмечается в разных китайязычных источниках [7]. При этом традиционность китайского общества при реализации данной политической потребности не позволяет отходить от практик, выверенных веками продолжительной истории Поднебесной, определенных китайской логикой и философией, задающих тон китайского мировоззрения, скрытного и целеустремленного по своей сущности [8]. Здесь гармонично находит место китайская стратегическая культура, отражающая вышеуказанные аксиологические требования китайского общества в формировании внешнеполитических традиций и «кодекса», обусловленных китайским мировоззрением.

Формирование китайской стратегической культуры как синергии норм и правил внешнеполитической традиции вызвано необходимостью выработки универсальных формул реагирования Китая на внешнеполитические сдвиги и угрозы, а также выбора модели поведения в определенных международных политических ситуациях во избежание стихийного формулирования внешнеполитического курса страны, что особенно важно в контексте поддержания устойчивости Коммунистической партии Китая, что отмечают некоторые

исследователи и что отмечено в Конституции КНР [9].

2. Установление целеполагания «с китайской спецификой».

Китайская стратегическая культура как внешнеполитические нормы и правила решает проблему выбора цели у политической элиты во внешней политике современной Поднебесной, так как сводит ее к разумному поэтапному достижению Китаем абсолютного мирового господства во всех сферах и установлению глобального управления с китайским «сердцем» [10]. Этот тезис подчеркивает и председатель Института стратегии Китайской Народной Республики Юнь Цзиньлин в статье «Гармония: внутреннее содержание традиционной китайской стратегической культуры», справедливо утверждая, что «достижение стратегических целей с минимальными затратами или меньшими потерями китайской и некитайской стороны является характерной особенностью традиционной китайской стратегической культуры» [11, с. 57].

Поскольку по обычаям Китая Поднебесная является единственным просветленным государством мира и уникальной Срединной империей, китайская стратегическая культура, отражающая китайский размах, мудрость и национальные ценности, последовательно формирует целеполагание внешнеполитического курса. Это выражается в организации слаженной, единой направленной работе по достижению главной внешнеполитической цели Китая под условным названием «великое возрождение китайской нации» руководящих структур КНР, в частности, Коммунистической партии Китая, о чем открыто говорится в китайской политологической научной литературе [11, с. 78–85].

3. Создание системы «носителей» китайской стратегической культуры.

Российский ученый О.М. Михайлёнок выделяет политическую элиту как основного обладателя стратегической культуры, так как именно эта элита обладает достаточным уровнем политической культуры, способностью к стратегическому мышлению, выработке стратегии и стратегическому планированию [12], а также возможностью реализации власти.

Политическую элиту Китая можно условно разделить на три группы: правителя (в современных условиях – Председателя КНР), чиновников (включая аппарат Коммунистической партии Китая и государственный аппарат) [13] и академические круги. Именно эти три группы являются обладателями и распространителями китайской стратегической культуры как внутри, так и вне Китая.

Говоря о современном правителе Китая председателе Си Цзиньпине, нельзя не обратить внимание на сильную идеологизацию китайских источников, что отмечает и российский исследователь

И.Е. Денисов: «официальная пропаганда и близкие к истеблишменту китайские эксперты говорят если не о «сицзиньпинизме», то о формировании особой системы взглядов Си Цзиньпина на управление государством, что, естественно, затрагивает и внешнюю политику» [14]. Однако нельзя отрицать существование особой философии управления председателя КНР, ведь именно она и является выражением стратегической культуры. Философия управления Си Цзиньпина распространяются в его официальных заявлениях, речах [15], а также публикуются в других государствах китайскими новостными агентствами [16], продвигая китайский образ мысли по всему миру.

Немаловажно упомянуть и инициативу Си Цзиньпина о «создании стратегического аппарата управления и открытия новых горизонтов» [17, с. 110], развитии стратегического мышления у чиновников (вторая группа носителей китайской стратегической культуры), ориентации на народные нужды и «великое возрождение китайской нации», так как за последние годы реформ руководящего аппарата происходит насаждение традиционных ценностей и воспитание управленцев в стиле «общая борьба партии и народа», что обозначает апелляцию к интересам китайской нации в целом, что позволяет выполнять миссию «эффективного носителя». Организацией идеолого-патриотического воспитания занимаются учреждения и органы Китайской Народной Республики, которые также занимают определенное место в институте китайской стратегической культуры в лице академических кругов.

Таким образом, механизм внедрения института китайской стратегической культуры в процесс принятия внешнеполитических решений состоит из нескольких взаимосвязанных этапов.

Сначала формируется политическая потребность в стратегической культуре как своде основанных на традиционных культурных убеждениях неформальных норм и правил, регулирующих внешнеполитическое поведение Китая согласно обычаям и китайским воззрениям на мировое устройство. Далее институт стратегической культуры регламентирует особый тип целеполагания, понятный и китайскому обществу, и политической элите, вовлеченной в реализацию китаецентричного внешнеполитического курса. Затем стратегическая культура Китая распространяется через определенных субъектов, например, «носителями» такой культуры является китайская политическая элита. Обладатели стратегической культуры «взрачиваются» в особой философии управления и идеях патриотизма, что позволяет им в полной мере распоряжаться своим стратегическо-культурным знанием при реализации внешнеполитического курса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ожиганов Э. Н. Стратегическая культура: понятие и направления исследований // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2012. № 2.
2. Corbett J.; Grube D. C.; Lovell H.; Scott B. Singular Memory or Institutional Memories? Towards a Dynamic Approach // University of Southampton. URL: https://eprints.soton.ac.uk/416847/1/Institutional_Memory_Revised_DEC_2017.pdf (дата обращения: 21.04.2021).
3. Белозёров В.К. Политическое руководство Вооруженными Силами Российской Федерации: институциональное измерение: Монография. М.: Издательский дом «АТИСО», 2011.
4. Фисун А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология // Отечественные записки. 2007. Т. 39. № 6.
5. Цзи Юешэн. Внешняя культурная политика Китайской Народной Республики в условиях глобализации: Дис. ... канд. пол. наук. М., 2018.
6. Шарко С.В. Культурно-идеологический аспект в современной политике Китая // Ориентиры. 2010. № 6.
7. Чжан Ифэй. Чжунгочжаньлюэвэньхуа юй “Цзинцзы” Сывэй [Китайская стратегическая культура и «зеркальное» мышление]. URL: <http://ias.cass.cn/lncgyj/xkfl/mgzlxs/201905/P020190517446364940661.pdf> (дата обращения: 23.04.2021).
8. Ломанов А.В. Си Цзиньпин об истории и традициях в современной политике Китая // 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва: новое руководство и стратегия реформ. Вып. 29. М., 2014.
9. Конституция КНР (в редакции от 2018 г.) // Chinalaw.Center. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 20.04.2021).
10. Ли Хуэй. Китай играет ведущую роль в новой структуре глобального управления // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1964> (дата обращения: 22.04.2021).
11. Чжунго чжаньлюэ вэньхуа схуаньчэн юй фачжань [Наследие и развитие китайской стратегической культуры]. Пекин, Шишичу пресс, 2008.
12. Михайленок О.М. Потенциал стратегической культуры и качество политической элиты // Элитология и стратегии развития современной России: материалы Второго Всероссийского элитологического конгресса с международным участием 21-22 октября 2016 г., Ростов-на-Дону, ред.- изд. гр.: А.Ю. Шутов (руков.), О.В. Локота, С.Г. Еремеев, А.В. Понеделков, О.Ф. Шабров, А.В. Буров и др. Том 1. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС. 2016.
13. Габуев А. Си без конца: почему Китай возвращается к императорскому правлению // Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/commentary/75663> (дата обращения: 21.04.2021).
14. Денисов И. Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство. Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. №10(5).
15. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации, 2017. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztd/19sjd/t1507487.htm> (дата обращения: 21.04.2021).

16. Белова Т. А. Система пропаганды в современной КНР: обзор истории становления и характерные черты // Наука. Мысль: электронный периодический журнал, 2016. Т. 6. № 8–1.

17. Чжоу Синьминь. Руководство Си Цзиньпина и будущее Китая. М.: Издательство «Весь мир», 2019.

РАЗВИТИЕ СТРАТЕГИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РК И РФ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Н. В. Котляр

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
ул. Гоголя 41, 690014, г. Владивосток, Приморский край, Россия,
nadezhda.kotlyar@vvsu.ru*

А. В. Симонов

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
ул. Гоголя 41, 690014, г. Владивосток, Приморский край, Россия, artisim@rambler.ru*

Новые инвестиции со стороны Республики Корея на Дальний Восток на данный период времени по большей своей части являются лишь словами, несмотря на усилия Южной Кореи по оказанию помощи своим предприятиям в поиске прибыльных российских проектов. Сеул пытался убедить Москву, что заключение соглашения о свободной торговле в ближайшем будущем необходимо для активизации сотрудничества, но Россия предпочитает более постепенный подход к либерализации торговли. Межкорейское сближение в 2018 г. заложило основу для дальнейшего прогресса в реализации многосторонних экономических проектов с участием России в случае ослабления международных санкций против Северной Кореи. Таким образом, двусторонние отношения между Россией и Республикой Корея также можно рассматривать с точки зрения развития регионального сотрудничества с участием Северной Кореи.

Ключевые слова: Россия; Республика Корея; внешняя политика; международное сотрудничество; экономика; международные отношения.